

МУ «ЦБС г.Маринска и Маринского района»
Филиал №30

Выпуск №6

Земляки поневоле: Судьба поэта Усмана Насырова

п. Первомайский
2010

ББК 63.3(2Р.53)

*Для выпуска дайджеста использованы документы:
Разыскания: Историко-краеведческий альманах/ сост.
Л.Ф.Кузнецова. - Кемерово, 2004. - Вып. 6. - 224 с.*

Усман Насыров — молодой узбекский поэт, ему не было 25 лет, когда в 1937 году он был арестован и осужден на 10 лет. Отбывал наказание в разных местах ГУЛАГА, последние три года находился в Суловском отделении Сиблага, где и умер в 1944 году.

Изучая документы, я составил своего рода хронику:

14.07.1937 — арестован органами государственной безопасности Узбекистана. Содержался в Таштюрьме, ДПЗ, Новой тюрьме.

5.10.1937 — осужден выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР. Содержался там же, в Ташкенте.

23.01.1939 — прибыл в Златоустовскую тюрьму.

Со 2.07.1939 — ОЛП Владлага. Но по делу видно, что он был в Магадане.

31.10.1941 — отбывал наказание в Суловском отделении Сиблага.

9.03.1944 — умер.

1956 г (дата неизвестна) — реабилитирован.

В деле читаем: «Насыров Усман, 13. XI.1912 г., уроженец г. Намангана, незаконченное высшее образование, узбек, писатель, беспартийный (был членом ВЛКСМ)».

12 июля 1937 года органы госбезопасности Узбекистана, в частности, оперуполномоченный 4-го отдела ГБ Маврин по согласованию с начальником 4-го отдела лейтенантом Агагебековым и санкции зам. прокурора Узбекской ССР вынес постановление об аресте Насырова Усмана.

Постановление об аресте и привлечении к ответственности:

«Я, оперуполномоченный 4 отдела УГБ НКВД Узбекистана, младший лейтенант госбезопасности Маврин,

рассмотрев имеющийся материал на Насырова Усмана, узбека, 27 лет, писатель-поэт, исключен из союза писателей и, найдя, что Насыров Усман систематически проводит националистическую контрреволюционную агитацию, публично на улицах в контрреволюционной нецензурной форме отзывался о политике советской власти, т. е. совершил преступление, предусмотренное статьей 66 части 1а, потому постановил: Насырова Усмана привлечь к ответственности по статье 66 части 1а и арестовать, заключив под стражу в ДПЗ (дом предварительного заключения) НКВД Узбекистана.

Протокол обыска вел его некий Бодягин, присутствовал надзиратель Борисенко. Опись имущества: паспорт был отобран при аресте, чемодан цвета темно-коричневого, денег 40 рублей».

13 июля 1937 г. Талон ордера № 464 выписан в 14 часов 20 минут, ночь с 13 на 14 июля 1937 года его арестовали. На фотографии, которая есть в деле и сделана она 14—15 июля, он уже обросший (борода нх быстро растет), в майке (стояла жара). Дубликат требования внутренней тюрьмы УГБ Узбекской ССР № 234:

14 июля 1937 г. 10 часов 51 минута. Приглашен на допрос в комнату № 99 сотрудником 4-го отдела Матвеевым. Обыскивал его Бекмуратов. Возвращен он 14.07 в 15-45. Первый допрос шел 4 часа 54 минуты. дежурный внутренней тюрьмы Бодягин.

24 июля в 13 часов его приглашает Маврин. Допрос длится ровно 30 минут до 13 часов 30 минут. Комната другая — № 104.

26 июля с 23-15 до 00-35; 1 час 10 минут допрос длится в комнате 107 — Шарапов.

6 августа допрос в комнате № 89. Вызывают его в 2-45 (ночью) до 2-55, всего 10 минут шел допрос Трегулев.

22 августа 1937 г. составлена дактилоскопия.

25 августа допрос в комнате 104 (он уже ранее был там)

с 20-40 до 21-20 — 40 минут — Афанасьев.

5 октября 1937 г. Тройка: председательствующий — Ал. В. (неразборчиво), секретарь — Батнер, члены: Зайцев, Болдырев. «Предварительным и судебным следствием установлено, что Насыров в 1935 г. находился в организационных связях с активным участником антисоветской буржуазной националистической террористической и диверсионно-вредительской организации, действующей на территории Узбекской ССР Усмановым Муликом, по заданию, которого, будучи одним из влиятельных писателей-поэтов Узбекистана, обрабатывал писательскую молодежь в контрреволюционно-националистическом духе, умышленно искажая произведения русских классиков при переводе их на узбекский язык. По статье 11—64,67 УК УзССР срок 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией всего личного принадлежащего ему имущества. Срок с 13 июля 1937 г.»

25 октября 1937 г. «Начальнику тюрьмы арестованный Насыров Усман, камера № 4. Заявление. Объявляю голодовку. Прошу вызвать меня. Объявляю голодовку ввиду того, что уже 4 месяца не вызывают на допрос. Подпись». 26.10.37. Беседует Табеков. «Голодовку, объявленную 25.10. снимаю». Подпись.

27.10.1937 допрашивал Матвеев, допрос шел 2 часа 55 минут (с 21-40 АО 00-15).

Разные комнаты, разные люди: Маврин, Шарипов, Тригулев, Афанасьев...

7 декабря 1937 г. За ругань нецензурными словами в адрес надзорсостава трое суток карцера...

Объяснение на листе без даты и адреса: «Я скрывал свое социальное происхождение, своего отца выдавал то за колхозника, то за имама Это относится к периоду учебы во второй ступени и вступлению в комсомол и более поздних лет. Я для того, чтобы поехать в Коканд сказал, обманывал,

что отчим умер в 1929 году. Я при поступлении в узбекский государственный университет сказал, что 2,5—3 года учился в Москве. (В 1933 году.) Я. К. Бабаеву мою поездку в Армению передавал как личная поездка и наврал ему, что я Нахшупа печатал на армянском языке».

16 ноября 1938 г. «Гражданину Шишкину. Я действительно скрывал столько дней и сейчас признаю, что я лгун. Я клеветал на своего отца, я лгал в Союзе, я лгал на допросе».

ДПЗ г. Ташкента.

20 ноября 1938 г. «Заявление наркому внутренних дел Узбекистана. Признаю, что я причина всем этим событиям в смерти Икрамова. Я в союзе, а также на допросе наврал на себя, лгал. Я действительно ругал Сталина. Ложно плакал на приеме, я клеветал на отчима, я узнал в карцере, что Матвеев арестован и там же слышал голос Уйгума (?). Я рассказывал ложные сны, вот мое лицо, пощады не прошу». Подпись по латыни — Usman Nasir.

21 ноября 1938 г. «Коменданту НКВД Узбекской ССР Шишкину (после осуждения). Заявление. Прошу вызвать меня и послушать. Моя единственная надежда — это суд. Я больше не в силах перенести таких мучений. В противном случае объявляю твердо — единственный выход для меня — это самоубийство! Прошу помочь мне довести до Сталина эти мучения. Не дают написать заявление, адресованное Сталину. Прошу убедительно помочь мне».

21 ноября 1938 г. Рукопись и на ней приписка на русском языке (карандашом): «Великий Сталин, не дают писать тебе заявления. Я не виноват, они окончательно решили убить меня. Дорогой вождь, прости меня, они заставили ругать тебя, тысячу раз прошу прощения. Прощай родина, прощайте родные. Усман Насыров».

21 ноября 1938 г. (приписка). «Как мне стало известно из разговоров за дверьми стоящих людей — как будто моя сестра, для того чтобы освободить меня признала, что она

убийца. Это чушь, ложь, клевета. Требуют, чтобы я жертвовал или собой, или сестрой, или отцом. Дорогой Сталин, вот что они затеяли именем Советской власти. Руководит этой шайкой бандитов Мумин (?) Усман».

Справка из внутренней тюрьмы при НКВД Узбекской ССР.

«Пункт назначения: п/я № 7. Вид конвоя обыкновенный усиленный, особый».

«Он нуждается в особом виде конвоя», — подчеркнуто, поскольку имеет склонность к провокациям, скандалам, симулирует сумасшествие, написано в сопроводительном документе. 23 января 1939 г. Квитанция № 180 приема вещей по прибытии златоустовскую тюрьму. Двадцать два наименования. Пальто — 2, одеяла — 2, подушка — 1, сапоги — 1, наволочка — 1, костюм — 2, простыни — 1, тапочки — 1, портянка, денег — 92 рубля 20 копеек.

23 января 1939 г. Всесоюзная перепись населения в 1939 г. в тюрьме. Справка (более или менее подлинные сведения пишут). «Гражданин Насыров Усман, 26 лет. Прошел всесоюзную перепись населения 1939 года. (Заполняется лично заключенным). Фамилия: Насыров. Имя: Усман. Отчество — прочерк (у них это не принято). Год рождения: 1912. Гражданство, подданство: СССР. Национальность: узбек. Место рождения: г. Наманган, область Ферганская. В каких местах заключения содержался с момента ареста: в г. Ташкенте, тюрьме НКВД Узбекской ССР, Таштюрьма, ДПЗ, Златоустовской тюрьме...»

24 января 1939 г. на второй день после прибытия в Златоуст он пишет: «Заявление на имя начальника Златоустовской тюрьмы. Я Вам, гражданин начальник, как работнику НКВД, сообщаю следующее: Я, молодой поэт, рождения 1912 года, был арестован 14 июля 1937 года и официально меня обвинили в антисоветской агитации по статье 166 части 1. Я на первом же допросе, а допросов

было всего 4 и всего около 4 часов, наврал на себя. Вскоре мною было подано заявление, что, я наврал с объявлением голодовки. После этого ничего не спрашивали и спустя 5,5 месяцев мне предъявили дополнительное обвинение по показаниям других людей (их было примерно 4 или 5). В этом дополнительном обвинении предъяв о том, что я, якобы являюсь, членом какой-то контрреволюционной организации. Я не признал и категорически отрицал. После сего 14 сентября 1938 года меня забирают из Таштюрьмы в ДПЗ, оттуда в новую тюрьму (это все в Ташкенте) и без всяких причин сажают в карцер. Я требую, чтобы: 1) Вы вызвали и выслушали меня. 2) Совсем разъедините из тех людей, которые приехали из Узбекистана. Перевести в одиночную камеру. 3) Разрешить написать жалобу на работников НКВД Узбекской ССР».

6 февраля 1939 г. Рапорт дежурного помощника начальника тюрьмы: «Заключенный запел песни в камере». Насыров Усман: «Я песни не пою, а я пою на своем языке стихи. Хватит надо мной издеваться, вы фашисты, вы только носите форму советскую, вас собралась группа фашистов». В карцер за это на 20 суток.

11 февраля 1939 г. По заданию зам. начальника ГУГБ Златоустовской тюрьмы Долгирева его осматривают. Пишут «здоров». «Выводы: заключенный златоустовской тюрьмы Насыров Усман, 27 лет, нервно-психическим возбуждением не страдает».

13.02.1939 г. Объявил голодовку. 14.02.1939 снял голодовку.

20 февраля 1939 г. Отказано в переписке с родными.

29.03.1939 г. «Снимаю объявленную голодовку 27 марта 1939 г.»

3 апреля 1939 г. «Начальнику 1 отдела Главтюремного управления НКВД СССР капитану ГБ Попову г. Москва. При этом направляем на Ваше распоряжение (так в тексте) две закрытые жалобы заключенные 1) Насырова Усмана и

Нежемского Федора, Тихонова, адресованные народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия...»

Существовала практика — закрытые жалобы должны рассматриваться в вышестоящей инстанции.

Когда я стал устанавливать точную дату его отправки из Златоустовской тюрьмы (по осмотру врачей), пришел к выводу, что отправили его 21 мая 1939 года. Из Златоуста он был переброшен во Владивостокский ОЛП и прибыл туда 2 июля 1939 года. Более месяца он был в пути.

В Мариинске был пересылочный пункт, где он, вероятно, задержался. Мариинск был одним из мощнейших пересыльных пунктов системы ГУЛАГа в Советском Союзе. Поэтому я предполагаю, что Усман Насыров пробыл здесь некоторое время.

29 июня 1939 г. Пароход рейс Уэмы (самая крайняя точка СССР). «Легкий труд. 1 месяц лечения. Цинга» (в деле лежит одна бумажка. Больше ничего нет. Это надо расшифровывать).

22 июля 1939 г. «Прибыл в лагерь. Наименование — Южлагерь. Где находится — ОЛП экспедиционный. Прибыл — 22.07». Скорее всего, это Юго-восточный ИТЛ в Хабаровском крае.

По прибытии на место (во Владивостокский ОЛП) он работал в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере НКВД. Из документов видно, что «в июле он работал 7 дней, выработка составила 32 %, в августе он работал 31 день, 67 % выработка составила. В сентябре 31, 54 %...» Работал он плохо. В административном отзыве читаем: «Поведение в быту плохое, лагерную дисциплину не соблюдает, кляузник, лодырь».

30 января 1941 г. Владивосток. «Выписка из карточки № 12/640 генеральной проверки заключенных. Когда, откуда, из какого лагеря прибыл в данный лагерь? ОЛП инвалидный, городок СВИТЛ НКВД (Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь НКВД).

Он уже инвалид.

«Насыров Усман с 8 ноября 1940 г по 29 января 1941 г. находился на излечении в 4 отделении больницы инвалидного городка с диагнозом левосторонний экссудативный плеврит, цинга (1 видать группа). Освобожден от работы на 3 дня, с 30 января по 1 февраля 1941 года».

14 июля 1941 г. Выписка из приказа: «За образцовые показатели трудовой дисциплины и ударного труда доведя свою производительность до 2 пар лаптей в смену при норме 1,2 пары заключенному Насырову, плетельщику, объявить благодарность с занесением в личное дело».

16 июля 1941 г. Выписка из приказа: «Водворить в СИЗО (изолятор) на 5 суток с выводом на работу Насырова Усман 1912, ст. 67—6910 п/п 5 лет за избиение заключенного Христофорова и нарушение лагерного режима».

Только что благодарили, а сейчас наказывают.

31 октября 1941 г. Насыров Усман эпатирован в Сиблаг НКВД.

6 апреля 1943 г. «Из заявления Масадьковой Холябаба, проживающая: г. Ташкент, Узбекской ССР, Октябрьский район, Тахтапуль, проезд Жулуфакият, дом № 35, на имя начальника 2 отдела Владивостокского района СВИТЛ НКВД. Я убедительно прошу Вас при первой возможности поставить вопрос о его досрочном освобождении. Уверяю, осужден он ошибочно в силу клеветнических сведений лиц, которые впоследствии осуждены и понесли должное наказание. Клеветники завидовали росту его таланта, его большим успехам в области узбекской поэзии и, чувствуя к нему презрение, зная его социальное происхождение как истого пролетария (отец батрак, второй отец — красный партизан, сам он воспитанник детдома), они не могли допустить его творческого расцвета. По своей неопытности и

неграмотности я до последних чисел декабря 1942 года не возбуждала вопроса о пересмотре его дела и этим промедление, конечно, лишила возможности раннего освобождения»

24.05.43 г. Указания из ГУЛАГа:

«Начальнику ОУРЗ Сиблага НКВД подполковнику тов. Грозному.

Направляем на рассмотрение заявление гражданки Масадыковой Халя-баба, ходатайствующей о досрочном освобождении из-под стражи заключенного Насырова Усмана.

Акт.

23 июня 1943 года комиссия Санотдела управления Сиблага в составе начальника Сусловского отделения Бумского КК и членов комиссии врачей Набережной Л. Т. и Бобрик С. П. произвела медицинское освидетельствование.

Насыров Осман.

Диагноз: Декомпенсированный левосторонний туберкулез легких с резким упадком питания. Малярия хроническая (тропическая). Катар желудка хронический. Отсутствие 1/3 правой стороны.

Заключение комиссии: страдает тяжелым неизлечимым недугом. Нетрудоспособен. Следовать может самостоятельно.

Р. С. Со слов больного. Не работает около 2-х лет. Последние два месяца лежит в больнице по поводу заболевания легких и малярии.

Резолюция на ходатайство: освобождению не подлежит как осужденный за участие в террористической организации.

9.07.43. (Подписи).

Подполковник Г. Б. Грозный Бумскому».

При этом возвращается личное дело на заключенного Насырова Усмана, который освобождению, как больной

тяжелым, неизлечимым недугом, не подлежит. В дальнейшем его активировать не нужно, так как вопрос об условно-досрочном освобождении его на инвалидность рассматриваться больше не будет.

«Акт.

1944 год марта 9 дня. Мы, нижеподписавшиеся, начальник МСЧ Суловского отделения Семичастная А. Г., зав. стац. № 3 врач Локтионова Н. Н., дежурная м/сестра Ханина М. П., зав. УРБ в/н Артамонова, составили настоящий акт в том, что находящийся на излечении в стационаре № 3 заключенный Насыров Усман, рождения, 1912 года, статья УК 67-64-16 Уз. ССР, срок 10 лет, умер в 14 часов 9 марта 1944 года от туберкулеза легких при наличии пеллагры II при явлениях сердечной слабости».

Подписи. Печать.

Извещение о смерти выслано в ОАГС Узб. ССР 24.09.44 г.

15 марта 1944 г. Инспектор 2-й части, завхоз, санитар составили акт, что тело Насырова Усмана захоронено на Суловском кладбище с/ ч. Могила отрыта на глубине 1,5 метра, на руке имеется бирка № 12192. На могиле установлен щит № 2.

24 мая 1944 г. «Выписка. Начальнику ИТЛ г. Магадан Хабаровского края. В связи с пересмотром дела на осужденного в 1937 г. Военной коллегии Верховного суда СССР Насырова Усмана, прошу выслать на подследственного характеристику, а также сообщить имеющиеся на него компрометирующие материалы. По жалобе Насырова Усмана от августа месяца 1940 г. видно, что наказание он отбывает в г. Магадане. Промкомбинат № 2. П/я 261/5. Подписал зам военного прокурора АБУ (Среднеазиатский военный округ) майор юстиции Захаров — подполковник».

25 июля 1988 г. «Начальнику УИТУ по Кемеровской области. По поступившему заявлению проверяется

Насыров Усман, 1912 г. рождения, уроженец города Намангана Узбекской ССР, который в 1937 году осужден тройкой НКВД УзССР к 10 годам лишения свободы. В 1956 году реабилитирован. Подписал начальник 10 отдела НКВД Узбекской ССР подполковник Н. А. Синельников».

О деле Усмана Насырова я впервые узнал в 1988 году, когда вернулся из Афганистана и приступил к работе. Столкнулся с тем, что группа людей — кузбасские писатели — по просьбе племянницы У. Насырова пытались ознакомиться с этим делом. Но какие-то инстанции возражали, и начальник управления внутренних дел Рунышков Вячеслав Игнатьевич попросил меня заняться этим вопросом. Я запросил дело, посмотрел его и сказал, что никаких препятствий для его выдачи не вижу. Они его прочитали.

Я же при знакомстве с делом предчувствовал, что заниматься им придется и в дальнейшем, и сделал выписки. В оформлении документов много небрежности, непоследовательности, чувствуется, оно было во многих руках до 1988 года и изрядно профильтровано. На основе документов можно сказать, что У. Насыров во многих местах заключения побывал: в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале.

Ознакомившись с делом, я решил продолжить поиск очевидцев, нашел одного человека, который работал в Суловском отделении Сиблага, куда привезли Усмана Насырова.

Это Хоменко Павел Калинкович. Он с Украины, с зоотехническим высшим образованием. Он один из авторов кемеровской знаменитой породы свиней. Его, как ценного работника, решили сохранить. Он работал в системе НКВД на Украине, и его отправили для работы в Сиблаг. Он прихватил с собой 10 хряков, которые дали начало новой породе свиней. И потом, находясь на производстве, он занимался не только выращиванием свиней, но и другими

сельскохозяйственными производствами для нужд фронта.

Рассказ Хоменко очень интересен. Он был известный человек в Кемеровской области не только в системе Сиблага. После того как Сиблаг прикрыли, он работал в управлении сельского хозяйства, был крупным специалистом, ушел оттуда на пенсию. Он рассказывал мне в 1993 году (а он был начальником отдела Сиблага и руководства), что у нас было более 15 отделений в Красноярском крае, в Кемеровской области, по 10—12 тысяч заключенных в каждом отделении. Я нашел официальные сведения — около 80 тысяч заключенных было в Сиблаге. По сведениям Бужака, сотрудника НИИ МВД, максимальное количество заключенных Сиблага в иные годы доходило до 150 тысяч.

Хоменко породу свиней беркшири, тех самых 10 хряков, в декабре 1941 года привез в Антибесское отделение. Сам работал в Сусловском отделении, у него было 18 тысяч свиней, кроме того, крупного рогатого скота 5 тысяч, полеводство — около 20 тысяч гектаров.

В 1942 году начал случку хряков с местными свиньями академик Овсянников из Новосибирска. У них было 20 летних лагерей, в каждом до 20 маток. Привесы от 500 г до 1 кг (сейчас, в 1993 г., в лучшем случае 400—500 г). Надои молока в 1941 г. были 1800 кг в год, до 3000 кг потом в системе народного хозяйства доходило, а Сиблаг в целом давал 3700 кг, Антибесское отделение 6000 кг на корову давало, Берикульское — 5000 кг. Были рекордисты, которые давали 10 тысяч литров молока.

В 1967—1968 годах мне довелось после освобождения доярку Зуеву прописывать в Ленинграде. Ее посадили 19-летней на 25 лет. Если бы она на свободе так работала, была бы дважды Героём Социалистического Труда: ежегодно она надаивала 5000—6000 литров молока с коровы.

И. М. Рашидова (слева) с сестрой на месте захоронения Усмана Насырова

П. К. Хоменко рассказывает: «Бараки по 30—40 человек двухъярусные. Вначале женщины и мужчины были вместе, затем в 1943 году разделили зоны на мужскую и женскую. Интересно, одевали в бушлат и полушубки, питались хорошо бесконвойные. Врачи были очень хорошие. При Суловском отделении была больница, где лечились и вольнонаемные и заключенные. У Хоменко жена, Софья Яковлевна, родила в этой больнице. Статьи были разные у заключенных: за аборт, за сбор колосков, за мелкое воровство — это у женщин в основном, мужчины в основном статья 58. И были и уголовники, одна треть примерно. Это состав. В свинарнике примерно сто маток. Бригадир был академик по 58 статье. Адбулин был зоотехник, кандидат сельскохозяйственных наук. Баландин был главным ветврачом отделения. В лагере был профессор Кабанов из Саратовского сельхозинститута, доходяга, взял его на свинарник и он быстро поправился».

Но самое интересное не это: когда я спрашивал его, что был такой поэт Усман Насыров, он ни слова не знает о нем. Он многих людей знал, но только тех, кто был связан с производством, а вот с поэзией кто был связан, он не знал. Я потом нашел одного кадровика, он сейчас еще живой. Он тоже понятия не имеет, что был такой человек (Усман

Насыров) у нас в Сибири. Может быть узкий круг людей из числа оперативных работников знали о нем, но большинство были в неведении. Усман Насыров прибыл сюда большим человеком и, говорят, жил в библиотеке и занимался библиотечным делом — книги выдавал, пока мог, между болезнями.

Я продолжил поиск, но уже в литературе...

В «Истории узбекской советской литературы» (в трех томах, 1972 г.) написано, что «в 30-х годах большое количество стихотворений и поэм М. Лермонтова было переведено поэтами Насыровым, Шейх-Заде и Фаттахом».

«7—11 марта 1937 года был первый съезд писателей Узбекистана. Усман Насыров не был делегатом этого съезда, но стихи, посвященные этому съезду, он прочитал, как утверждали некий Степаненко и др.» «17 января 1937 года была создана секция молодых писателей при союзе писателей Узбекистана». Чувствуется, что Насыров там работал.

В литературе советского периода более позднего времени, где перечислялись величайшие поэты и писатели, он не фигурировал. Вероятно, как национальный поэт в свое время он был известен в Узбекистане, но потом его имя предали забвению. Судьба репрессированных поэтов и писателей была нелегкой и во многом схожая. Например, в деле, которое я вам буду предлагать, речь идет о Мандельштаме. Он умер тоже там, на востоке. Там была пересыльная тюрьма, в которой содержали и политических, и уголовников. Многие из них были истощены, и на откорм их отправляли в Мариинск. В системе НКВД Сиблаг, созданный в 1931 г., считался самым благополучным. Сиблаг — это государство в государстве, он имел разветвленную систему производства, а Мариинск — самый крупный из них. И там производили не только продукты. В Яе, например, была открыта швейная фабрика. В Сиблаге людям давали возможность хорошо работать и хорошо

кормили.

После войны на территории Кузбасса создали 8 лагерей.

Когда я начинал служить в МВД, до 80 % личного состава были фронтовики. На мой взгляд, они внесли коренной перелом в работу лагерей НКВД и МВД в лучшую сторону в отношении к людям, в отношении к закону. Война во многом открыла глаза нашим людям.

Я считаю, Усмана Насырова система сломала, лагерь его сломал. Самое главное, я чувствую, с ним не было никакой связи у узбекской диаспоры, если она имела место. А по воспоминаниям очевидцев, которые хоронили Насырова, в Суслово она имела место. Они пытались похоронить его по обычаям. Хотя по делу видно, что он сам не искал с ними встреч. Например, когда узбеки приехали в Златоуст, Насыров попросил, чтобы они не были с ним вместе. Какие-то вещи антагонистического плана имели место.

Я начал рассказ о том, что Насыров был молодой человек, как и каждый из нас в молодости, переоценил себя. Редко можно найти человека, который самокритичен. Я не думаю, что то время способствовало. Тем более в Узбекистане, на окраине, с пробуждением национальных кадров, он сразу попал в обойму, в центр внимания среди элиты и особенно среди молодежи. Популярный человек. К тому времени он был достаточно известным поэтом в Узбекистане, красивым парнем. Несколько избалован. Родственница утверждает, что он получил какое-то наследство и был достаточно богат, чтобы путешествовать: известно о его поездках в Армению, в Москву, известно даже, что он был на Беломорско-Балтийском канале. Еще на север ездил. Жизнь улыбалась ему. И вдруг он попал в эту жесткую тюрьму. Эта система могла сломать кого угодно. На первых порах он пытался сопротивляться — писал протесты, письмо Сталину, которое так и не отправили, но потом смирился.

Я не знаю, занимался ли кто-нибудь изучением творчества Насырова раньше. Но вот узбекские женщины, с которыми я переписывался, сейчас серьезно пытаются вернуть доброе имя У. Насырова Узбекистану. Наши писатели, наверное, кое-что узнали, но по делам, о которых я говорил, они прошли не глубоко. В 1988 году почему-то решили праздновать юбилей — 75-летие, кажется, хотя он родился в 1912 году. Я долго хранил, потом потерял сообщение из «Литературной газеты» о том, что в Москве «состоялось чествование известного узбекского поэта Усмана Насырова». Я думаю, это группа энтузиастов взялась за восстановление его имени. Мне рассказывали, что Рашидов знал это дело, чувствуется, что он не только секретарь ЦК Узбекистана, но и известный узбекский писатель. Говорят, что когда-то, в одной из аудиторий, он сказал (не ручаюсь за дословное): «...из сидящих в зале многие приложили к Насырову руки и их руки в крови, и мы еще разберемся». Он не успел разобраться, умер. Не знаю, кто там разбирался, но вопрос достаточно сложный.

Ведь они сейчас пытаются решить вопрос о переносе останков Насырова в Узбекистан. Я считаю, что это неподъемное сейчас. Практически это невозможно сделать — их нельзя найти и идентифицировать. Когда я узнал, как нашли место, где установили памятник, понял, что искать бесполезно. Лет пять-шесть назад я попросил начальника милиции сфотографировать место захоронения. На снимке (снимали зимой) чистое поле, на большой площади располагалась своеобразная братская могила, там хоронили всех заключенных, и среди них найти кого-то конкретного невозможно. Я после этого написал письмо Тулееву и председателю Мариинского райисполкома, попытался доказать необходимость чтить память, но достучаться до их сердец я не смог.

(А.А.Лопатин, краевед)

